

Герман Шелков

ХОРОШО

И

ПЛОХО

БЫЛО

ЖИТЬ

В

СССР

Герман Шелков

**Хорошо и плохо было жить
в СССР. Книга вторая**

«Телеграф»

2016

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шелков Г.

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга вторая / Г. Шелков —
«Телеграф», 2016

ISBN 978-5-902845-21-8

Люди, жившие в СССР, каждый по-своему, но с поразительной искренностью рассказывают о советской стране – о дворах, детстве, семье, занятиях, работе, взаимоотношениях и о многом прочем из своей повседневной жизни.

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-902845-21-8

© Шелков Г., 2016
© Телеграф, 2016

Содержание

Книга вторая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Герман Шелков
Хорошо и плохо было жить
в СССР. Книга вторая

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Книга вторая

Роман Су – вский, 1952 года рождения: «После окончания техникума я мог остаться в родном городе, но мне хотелось романтики, ярких впечатлений. Что в этом плохого? Я пришел в комитет ВЛКСМ, а там сто таких же ребят, как я. Выходит какой-то инструктор и говорит: «Вот она, гордость нашей страны – советская молодежь! Сильные, смелые, умелые. Золотой запас нашей родины. Готовы ли вы к трудовым подвигам?» Мы улыбаемся. Конечно, готовы! Мы не лентяи. Хотим трудиться, согласны ехать хоть на край света. Спрашиваем комсомольские путевки: «Дайте что-нибудь трудное, где тайга, бурные реки, скалы, айсберги!» Инструктор рад, что мы желаем для себя трудностей. Он нас поддерживает и уважает. И я поехал на строительство в самую что ни на есть тайгу.

Пять дней ехал в поезде. Ел гречневую кашу с мясом, булки, шоколад, пил лимонад, чай. Спал, читал книги. Играл с попутчиками в лото. Снова ел кашу с мясом, перловую, потом рисовую. Помню, что эта еда мне нравилась. Тарелка с кашей завернута в алюминиевую фольгу. Каша горячая, вкусная, проводник предлагает ее каждому пассажиру, у него полная тележка этих тарелок в фольге. Стоит дешево. И всегда чайник прекрасного чаю. Я спросил у проводника: «Хорошо ли на вашей должности?» Он сказал: «В любой работе есть плюсы и минусы. В моей – больше плюсов». Когда-нибудь и меня так спросят, и я тоже так отвечу.

Приехал на строительство. Места очень красивые, природа живописная, незабываемая. Много молодежи, парней, девушек, однако немало и зрелых людей, семейных. Прораб мне объясняет: «Едут сюда многие. Но учти: бездельников не держим, авантюристов тоже. Тут только ответственные люди, дисциплинированные». Мне это понравилось. Моя специальность была связана с электричеством, но прораб сказал, что электротехников у них в избытке, зато каменщиков не хватает. «Поэтому, – объявил он, – беру тебя каменщиком. Эта работа не только интересная, но и хорошо оплачиваемая. Не думай, что не справишься. Все справляются. Поможем, научим, направим». Я стал работать каменщиком. Поселился в общежитии, в комнате на четверых, занял койку у окна. Слушаю разговоры: говорят, что мы не просто жилые дома для нуждающихся людей строим, а в том числе и для себя, то есть как построим дом, так в нем же и поселимся. Каждому дадут квартиру.

И вот я живу и работаю в таком месте, куда съехались люди со всей страны, наверное, из всех пятнадцати республик. Приятели появились быстро. Такие же ребята, как я. Вдруг как-то вечером ко мне является делегация, восемь человек, и говорят, что они вроде народной дружины. «Запоминай, – говорят, – какие у нас здесь правила». И рассказывают, что у них тут высокая дисциплина, причем не только трудовая, но и общественная. Каждый труженик соблюдает определенные правила поведения. Сначала – насчет девушек и женщин. К замужним, имея личный интерес, подходить нельзя. Эти женщины уже заняты и преданы своим мужьям, и тому, кто попытается их скомпрометировать, грозит серьезное разбирательство. Незамужние девушки тоже находятся под защитой. Рабочая дружина даст отпор любому легкомысленному повесе, хулигану и вообще невыдержанному товарищу. Свободные, незамужние девушки не игрушки, не куклы. Они мечтают о семье, о полноценной ячейке общества, поэтому никакое бескультурье в их сторону недопустимо. Легкомысленные порывы тоже. Только спокойные, здоровые, достойные советского человека ухаживания и только самые серьезные намерения. Услышав это, я обрадовался и сказал: «Эх, да ведь это как раз мне по душе!»

Затем мне рассказали об отношении к спиртному. Пьяниц тут презирают, забулдыг нет и не будет. Потом – о внешнем виде: заросших дикарей, замухрышек и грязнуль местное общество не терпит. Как и грубиянов-сквернословов. Здесь растет, поднимается город высокой культуры, и поэтому уже сейчас категорически запрещено сквернословить. Хочешь крепко

выругаться, иди подальше в тайгу и ругайся, можешь даже остаться там навсегда. Я согласился с каждым пунктом.

Вот как замечательно советские люди организовали жизнь! Осваивают тайгу, строят заводы, фабрики, города, и прежде всего заботятся о взаимоотношениях и культуре.

Дома мы построили быстро и качественно. Новенькие корпуса выросли прямо в тайге. Между огромными соснами проложили каменные дорожки. Загляденье! Пригласили художников-оформителей, монументалистов. Я любил смотреть, как складывают мозаику. Работали две бригады по три человека. Каждый художник хорошо знал свое дело, действовал умело. Одной бригаде, помню, поручили тему созидательного труда, а другой – освоение космоса. И обе справились великолепно!

Однажды вызвали меня к начальству и спросили, не забыл ли я свою первую профессию. Каменщиков тогда уже хватало, а вот энергетическому хозяйству вдруг потребовались специалисты. Я согласился. Ушел из бригады на строительстве, стал электротехником. Рассуждал я так: согласен трудиться на каком угодно участке, лишь бы это приносило пользу нашему общему делу. Ведь что такое наш городок? Образец самой лучшей жизни. Без преувеличений. Все мы, советские люди, прежде всего действуем коллективно, следовательно, наш городок принадлежит всем нам. Нет никаких разделений, все равны. Мы самое свободное общество на свете. Когда мне выдали ордер на квартиру, я был в восторге, хотя и знал, что именно так и произойдет. Случилось то, что должно было случиться. Но мне предоставили не отдельное жилье, а как холостому выделили комнату в двухкомнатной квартире, с соседями-молодоженами. Объяснили: если в этой молодой семье родится ребенок, мне предоставят комнату в другой квартире. А если я заведу свою семью и в ней тоже появятся дети, вот тогда отдельное жилье мне положено по праву. Я считаю, это верно. Руководство в первую очередь заботилось о семейных людях и в то же время призывало одиноких создавать семьи. Правильная государственная политика.

Некоторые знакомые и приятели из моего родного города писали мне письма, спрашивали, хорошо ли тут у нас. Их интересовало все сразу: какво снабжение, какие виды из окна и люди, есть ли хорошенькие девушки и женщины, имеются ли кафе с музыкантами и, конечно, много ли платят. Но я всегда знал, что это не простое любопытство, а такое проявление человеческой природы, когда имеется очень большое желание вкусить хорошей жизни, воспользовавшись всем готовым. Это такие люди, которых прежде всего интересуют всевозможные блага и прямая выгода. Это лентяи. А нашему городу такие индивидуумы не нужны. Зачем нашему славному городу лоботрясы и мещане? Нет, пусть остаются дома. Поэтому я всегда писал в ответ, что все мы тут тяжело трудимся, терпим временные неудобства, лишения и с оптимизмом смотрим в будущее. Меня переспрашивали: «Это правда? Ты ничего не перепутал? Мы слышали, что у вас тут красота и уют во всех отношениях, кругом легкость и веселье». А я твердил в ответ: «У нас кругом еще строительные леса, все ходят в спецовках, живут в общежитиях, обедают в рабочих столовых». Я хотел раз и навсегда разочаровать некоторых моих знакомых, чтобы они сюда не приезжали и не глазели по сторонам, как хищники, думая, чем бы поживиться. И мне, надо сказать, это удалось.

Впрочем, два моих приятеля все равно приехали, но это были ответственные ребята. Один из них устроился официантом в кафе. Спокойный, отзывчивый парень, готовый к неудобствам, к трудностям. Работал он хорошо, его хвалили. Всегда опрятный, вежливый. По моему мнению, это очень важно, с кем ты имеешь дело, когда приходишь в кафе, в ресторан. Мне приходилось видеть равнодушных официантов, таких манекенов с непроницаемыми лицами. Принимая заказ, они смотрят в сторону или поверх вашей головы и никогда не улыбнутся. Сразу видно, что они не на своем месте, не ту выбрали профессию. А мой приятель признался, что приехал в тайгу именно для того, чтобы поработать для простых трудовых людей, а не для городских пижонов. Городские хамы, выскочки и бездельники ему надоели. «Я понимаю, что

однажды они переведутся, исчезнут вовсе, – говорил он. – Но сколько на это понадобится времени? А я хотел бы уже сегодня пожить в таком обществе, где умные, добросовестные, самоотверженные люди строят чудесную жизнь». Как хорошо сказал! Я имел такие же убеждения.

В нашем таежном городке установилась замечательная атмосфера. Легкость, радость и уважение друг к другу – это про нас. Наша главная идея – труд на благо родины. Просыпаясь утром и напеваешь, потому что у тебя хорошее настроение. А почему оно у тебя хорошее? Потому что впереди тебя ждет прекрасный день, прекрасные люди, красивая природа, новенькие многоэтажные дома с мозаикой. Идешь на работу, а из репродукторов льются бодрые, звонкие песни. Мне всегда нравилось понятие «энтузиазм». Я энтузиаст по своей натуре, на таких, как я всегда стояло наше могучее государство. Я больше всего ценю атмосферу всеобщего подъема и ответственного отношения к делу.

Через два месяца к моему приятелю официанту приехала близкая знакомая, хорошенькая девушка Наташа. А он живет в общежитии, у него там только кровать и маленький столик. И я ему уступил на время свою комнату в квартире, а сам перебрался в общежитие. В благодарность он хотел подарить мне пыжиковую шапку, но я отказался. Иногда я ходил с этой парочкой в клуб на кинофильм и в кафе. Мы вместе катались на лыжах. В зимнее время в выходной день половина города вставала на лыжи, в лыжном пункте проката было столпотворение. Но при этом ни одного случая грубости, хамства или наглости! Помню, что грубые слова каким-то образом выпали из нашего лексикона. Если где-то говорили: «Ты, Федя, полный дурак!», то у нас предпочитали говорить: «Чудак ты, Федя!» Это было очень важно. Дети приучались к тому, что сквернословие – это дикость, отсталость и слабость. Даже на какой-нибудь снежной горке, когда случайно сталкивались двое лыжников, вы не услышали бы от них грубости. Перво-наперво они бросались друг перед другом извиняться. Так однажды и вышло на глазах хорошенькой девушки Наташи, и это ее сильно удивило. «Как хорошо и странно, – сказала она. – В наших краях это был бы повод для драки. У нас бы эти двое посчитали бы себя оскорбленными и бросились бы махать кулаками. И разбили бы друг другу лбы и носы». Я увидел, что Наташе очень понравилась атмосфера нашего городка, а через неделю она вдруг захотела остаться у нас навсегда. Устроилась в детский сад воспитательницей.

Мой приятель-официант захотел жениться на Наташе. Они стали это обсуждать, даже наметили какую-то дату. Он по делам поехал домой, в наш родной город, и неожиданно там задержался. А затем Наташа получила от него письмо. Он написал ей, что с ним приключился удивительный случай – ему предложили устроиться буфетчиком на круизный черноморский лайнер. Ему это предложение очень понравилось. Он прямо-таки видел себя буфетчиком в белоснежной форменной куртке, обслуживающим морских пассажиров. И он просил Наташу приехать, потому что он взялся хлопотать по поводу места на том же круизном корабле и для нее. Но Наташа отказалась. Послала ему телеграмму: «Остаюсь здесь навсегда. Выбирай. Подумай. Я или лайнер». Мой приятель, видимо, не мог уже отказать людям, которые сделали ему протекцию, и выбрал корабль. Возможно, он потом долго жалел. А я не пожалел об этом ни на минуту, потому что именно я женился на Наташе.

Ах, как мы зажили в нашем городке, среди сосен и новеньких домов с мозаикой! Это было особенное, счастливое время. Это был настоящий, чистый, сияющий социализм! Только при социализме можно жить так легко и беззаботно, с ощущением почти детской радости, причем с утра и до утра.

Я просыпался утром и включал радио, и как раз к завтраку начиналась всесоюзная радиопередача «С добрым утром!». Как мне нравились эти звонкие, красивые голоса радиоведущих! Они интеллигентно шутили, рассказывали смешные, без малейшей пошлости короткие истории и анекдоты, и мы смеялись, заряжались радостью и оптимизмом, и таковое настроение держалось весь день.

Мы шли на работу по дорожкам между сосен, приветствуя знакомых: «Доброе, утро!», «Как дела, дружище?», «Рады вас видеть!» Работали мы с удовольствием, стремились к высоким показателям, а иначе просто не могли, не умели. Трудиться вяло, без желания и хорошего ритма – это было для нас почти то же, что уронить собственное достоинство. Так мы думали. Это все равно что плюхнуться лицом в грязь, в зловонную жижу, и пускать пузыри. Нет, у нас ко всему относились с большой ответственностью.

Снабжение нашего городка было приличное. Магазины, конечно, не соперничали со столичными, но всего хватало. А если чего-то и не имелось, мы могли легко без этого обойтись. Помню, как мы купили торшер и ковер. Пришли в магазин культурных товаров и весело спрашиваем: «Что вы нам можете предложить для создания уюта? Говорят, сейчас в моде ковры и торшеры. Найдется ли у вас и то, и другое?» Мы говорили и в шутку, и всерьез. То есть мы действительно хотели обустроить нашу комнату, но нам хватило бы кушетки и к ней журнального столика, да еще пары книжных полок. Продавец попался очень хороший. Ответственный человек. И он говорит: «Ковры все проданы, торшеры тоже. Теперь они поступят в продажу только в следующем квартале. Спрос слишком велик! Не успеваем завозить на склад. Но поскольку вы молодая пара, то отказать вам никак нельзя... Зайдите завтра. Я достану вам и ковер, и торшер, и вы останетесь очень довольны». И правда, на следующий день нас ждали оба эти предмета, да еще какие красивые, из какой-то особенной кладовой, из резерва. Мы хотели, было, предложить продавцу вознаграждение, но он запротестовал: «Ну что вы! Выбросьте это из головы. Прошу вас!»

Мы постелили ковер, пригласили друзей, открыли пару бутылок вина и устроили пир на прямо на ковре. Расселись, как на траве, на пикнике. Все мужчины были в костюмах, при галстуках, женщины – в нарядных платьях. Блестели кулоны, запонки. Комната наполнилась ароматами духов наших дам. Разговор, помню, завели о городах будущего – какая будет архитектура, какие достижения науки и техники.

Мы жили прекрасно. Мы хорошо одевались. Частенько ужинали в ресторане, а уж в кафе ходили чуть ли ни ежедневно. А ведь мы были простые люди, жили и работали в самой что ни на есть тайге! Где, в каком обществе, кроме советского, простой рабочий человек вдалеке от больших городов жил так беззаботно и счастливо? Только в СССР, в самой лучшей, самой прекрасной стране! Мы жили красиво. Мы были людьми высокой культуры.

Я вернулся бы в Советский Союз на любых условиях, преодолев любые трудности, была бы только такая возможность».

Евгений Куш – ко, 1952 года рождения: «После окончания техникума мой дядя предложил мне поступить на промкомбинат. Он работал там на хорошей должности, был человек зажиточный, имел личный автомобиль, гараж, дачу. Мама говорила: «Дядя Коля научит тебя жить». Наверное, у меня все сложилось бы хорошо, но дядя Коля вдруг помер. Как-то раз он вышел после бани на мороз, случайно вдохнул много морозного воздуха, заболел воспалением легких, попал в больницу и неожиданно скончался. Тогда мама сказала, что на промкомбинате мне делать нечего. В самом деле: зарплата небольшая, перспектива получить квартиру далекая. «Никто продвигать тебя не будет, – сказала мамуля. – Везде продвигают только своих».

Один мой приятель как раз работал на этом промкомбинате, в мебельном цехе. Они делали шкафы, стулья для предприятий и учреждений. Работали кое-как. Изнывали от скуки. Бывало, нарочно криво забивали гвозди, косо подгоняли доски. Я и сам помню за собой что-то подобное. На производственной практике в школе и в техникуме мы испытывали к труду отвращение, потому что за работу не платили. Не было никакого смысла трудиться. Мы паясничали, кривлялись, тайком вредили. Портили инструменты. Бросали в стену молотки, чтобы осталась вмятина. Наверное, мы злились оттого, что в труде не было интереса. Мой приятель с промкомбината тоже злился. Зарабатывал мало, разряд был низкий, жил в рабочем общежи-

тии. Рассказывал: «Приходишь на работу, хочется взять и что-нибудь разломать. После обеда клонит в сон, хожу одуревший. Настроения нет, одна глухая злоба. Или равнодушие. Лучше становится только вечером, после кружки пива».

В то время многие говорили о «северной зарплате». Имелись в виду хорошие деньги. Люди любили рассуждать, что где-то далеко, в северных и таежных краях за работу платят «как надо». Нужно ехать туда, где «северная зарплата». Но никто никуда почему-то не ехал. В моем родном городе везде платили мало, обычному человеку больше ста двадцати рублей заработать было почти невозможно. Мама работала учетчицей на автобазе, ей платили сто пять рублей. Она брала аванс, и мы с трудом дотягивали до двадцатого числа, когда выдавали зарплату. Это я, конечно, говорю о том времени, когда я был школьником и не мог принести домой ни рубля. А отца у меня не было. Он нас бросил, когда мне семь лет, а потом и вовсе погиб, утонул на рыбалке. Мы жили очень бедно. В доме, сколько помню, всегда пусто. Шторы, наволочки, пододеяльники, полотенца мама штопала, подгибала, прострачивала, но чтобы появилось что-то новое – это редкий случай. На всех фотографиях того времени я выгляжу как нищий. И все мои приятели тоже. Все мы были одеты очень бедно. И вот что удивительно: у большинства моих приятелей были полные семьи, то есть отец и мать, а жили они не лучше меня. А то и хуже.

Мама годами носила одну и ту же одежду – юбки, платья, кофты. Обувь у моей мамочки была такая, что сейчас, глядя на ее фотографии тех лет, я говорю: «Что ни говори, а социализм – это бедность». И действительно: десятки фотографий, десятки людей, и все одеты плохо, кое-как, безвкусно или вообще невпопад. К тому же мы выглядели старше своих лет. Наверное, потому что питались однообразно. К примеру, у нас в доме редко бывали свежие мясо, рыба и овощи. Эти продукты магазины города предлагали нечасто, вместо них на прилавках лежали мясные, рыбные и овощные консервы. А в школе нам твердили, что наша страна самая могучая, у нее самые большие пастбища и сады, и ее омывает четырнадцать морей. А хорошей еды не было. Хорошая еда стоила дорого. Ее продавали на рынке и в магазинах кооперативной торговли. Но откуда мы взяли бы на нее деньги?

Детство и юность в СССР я связываю с ощущением пустого желудка, это, я считаю, примета того времени. Мне и моим приятелям всегда хотелось есть. В школе у нас не было столовой, а только буфет. Помню, старшие ребята нередко отнимали у нас, у малышей, деньги и покупали себе пирожки, пирожные, газированную воду. Я вырос и стал делать то же самое. Запугивал второклашек: «Разболтаете – дам по шее». Однажды меня на этом разбое поймали. Устроили общее собрание. Вызвали маму. Она выглядела подавленной, плакала, ей было очень стыдно. Мне ее было очень жалко.

После восьмого класса я хотел пойти учиться в ПТУ, но дядя Коля помог мне поступить в техникум – сунул кому-то из приемной комиссии двадцать пять рублей. Он говорил, что это почти высшее образование. Будто с дипломом выпускника техникума можно устроиться на должность инженера. Я учился плохо, кое-как. Мне было неинтересно. Я учился ради мамули. После окончания техникума, как положено, меня забрали на военную службу, в армию. В казарме, на втором году службы, многие говорили о все той же «северной зарплате». Половина парней из моего взвода собиралась после армии поехать куда-нибудь за Полярный круг на заработки. Они боялись нищеты и неустроенности в своих родных городах и поселках. Конечно, в нашем батальоне служили и такие ребята, которых призвали на службу из больших областных городов и столиц республик, и они о дальних краях не мечтали. Один из них был из Баку. Баку – столичный город, там руководство республики, министерства, поэтому там хорошее снабжение, щедрые базары, рестораны, кафе, павильоны. На улицах торгуют шашлыками, сладостями. А я шашлыки видел только в кино. Наш город был не областной, и мы жили неважно. И таких парней, как я, в батальоне было большинство. Помню рассказы об обычной жизни: «Брат копил на мотоцикл четыре года. Четыре года копил на приличный фотоаппа-

рат». То есть какой-то человек за восемь лет купил только две хорошие вещи. У него было двое детей, денег не хватало. Он и его жена зарабатывали на двоих 215 рублей. 15 рублей они откладывали на хорошую вещь. 30 рублей исчезали в счет кредита. Многие на их предприятия покупали мебель и телевизоры в кредит. И они тоже – сразу приобрели двуспальную кровать, шифоньер, холодильник, телевизор. Иначе в доме долго было бы пусто. На жизнь оставалось, таким образом, 170 рублей на четверых. Достаточно ли это для полноценной жизни в СССР? Тут следует привести факты и цифры: семья из трех-четырех человек тратила в среднем на еду 3 рубля в день, причем не покупая мяса, сыра, колбасы и сосисок ежедневно. Литр молока стоил 22 копейки, буханка белого хлеба – столько же. Итого 44 копейки. Однако завтрак, обед и ужин из этого не приготовишь. Понадобятся прочие продукты: картофель, рис, макароны, сливочное масло, сметана, яйца, крупа, рыбные, мясные и овощные консервы, творог, мука, маргарин, репчатый лук, сахар, подсолнечное масло, чай, сладости к чаю. Летом – помидоры, огурцы, какие-нибудь фрукты, зеленый лук.

Килограмм картофеля девять месяцев в году в нашем городе стоил 15 копеек, причем это был продукт низкого качества с налипшей землей, наполовину гнилой, наполовину мороженый. Вы покупали в обычном овощном магазине килограмм картофеля, а в употребление шла только половина или меньше. Остальное – негодная часть, отходы. Покупатели, поэтому, приобретали сразу 5–6 килограммов, то есть тратили около 1 рубля. Макароны на развес или в пачке – в среднем 56 копеек. Сметана – 85 копеек за литр, и это был жидкий продукт, как кефир. Не все советские люди знали, что сметана соответственно ГОСТу должна быть плотной вязкой массой, а не жидкой или полужидкой. Иной раз сметану можно было пить, как молоко. Сливочное масло стоило 1 рубль 45 копеек за полкило. На нем жарили, его намазывали на хлеб, его добавляли, чтобы было сытнее, куда только можно. Известно: в СССР сливочным маслом заменяли мясо, так как оно было сытным. Куриные яйца стоили 1 рубль 20 копеек за десять штук, но в нашем городе их нельзя было купить в любое время и в любом количестве – обычно яйца поступали в продажу в конце месяца, чтобы обеспечить план. Маргарин – 40 копеек за пачку, а иногда его продавали на развес. Рыбные консервы, минтай и сайра в томатной заливке или в масле, считались хорошей, полноценной едой. Эти консервы ели на ужин, из них варили супы. Они стоили около одного рубля. Основной едой простых людей в нашем городе были картофель, макароны, рис, молоко, сливочное масло, хлеб, булки, баранки, а также различные консервы. В каждом доме варили большую кастрюлю какого-нибудь супа, сразу на три-четыре дня. Утром детям подавали кашу или молочный суп с макаронами. Вечером жарили, варили, тушили картофель. Тушили капусту. Иногда варили рис. Килограмм риса стоил 56 копеек. Сахар – 45 копеек за полкило. Сахара потребляли много. Его сыпали на хлеб с маслом, его добавляли в макароны и даже рис. Хозяйки пекли пирожки с капустой, с картофелем, с повидлом. Повидло продавалось всегда, стоило 1 рубль 40 копеек за килограмм. Иногда оно продавалось в жестяных банках. Шоколад и шоколадные конфеты стоили дорого. Плитка шоколада – в среднем 1,5 рубля. Шоколадные конфеты – от 1,5 до 8 рублей за килограмм. Купил две плитки шоколаду – и вот тебе 3 рубля, суточный бюджет средней семьи. Все мы любили шоколад, но покупали его редко.

Больше всего я любил колбасу, сосиски и сардельки. Особенно мне нравилось кушать жареную колбасу. Зачастую колбасные изделия в нашем городе можно было купить не в магазинах, а в столовых на предприятиях. В заводской столовой покупателям предлагалось такое блюдо: жареная колбаса с картофельным пюре. Когда я видел на прилавке в столовой жареную колбасу, я решительно отказывался от других блюд, скажем, от сарделек или жареной печенки. Но сколько стоила колбаса? В магазине килограмм колбасы стоил в среднем 2 рубля 70 копеек за килограмм. Сосиски – 1 рубль 90 копеек и больше. За сардельки просили 2 рубля 20 копеек. Колбасу в магазине, как я уже говорил, мы покупали редко, чаще всего случайно. Чтобы поесть колбасы или сосисок, я ходил в столовую на промкомбинат, где работал дядя. Впрочем, блюда

с колбасой, жареной печенкой, сосисками и сардельками стоили не так уж дешево. Дешевый обед – до 35 до 60 копеек – это суп-рассольник, макароны с подливкой или картофельное пюре, котлета или жареный минтай, хлеб, коржик или пирожок с повидлом, чай или компот. Сытный обед в столовой стоил полтора рубля и больше. Сытный обед – это стакан сметаны, винегрет или капуста с сельдью, борщ или щи с мясом, гуляш или блюдо с жареной колбасой, печенкой или шницелем, творожная запеканка с изюмом и какао. Если сытно обедать в заводской столовой один раз в день, тратя полтора рубля, то за рабочую неделю, пять рабочих дней, выйдет семь с половиной рублей, то есть ровно 30 рублей в месяц. Треть заработной платы среднего работника за один только сытный обед! А ведь нужно было питаться еще утром и вечером.

Итак, моя мама зарабатывала 105 рублей, и мы жили вдвоем на эти деньги, пока я не закончил техникум и не ушел из родительского дома. Три четверти всех денег расходовались на еду. Питание в СССР лишь на первый взгляд стоило дешево. Вы могли подумать о дешевизне, когда видели в магазине цену на картофель, макароны, рис, муку, рыбные и овощные консервы, соленья, хлеб и хлебные изделия, повидло, конфеты из карамели, чай, молоко и кисломолочные продукты. Но если вы видели на прилавке мясо, колбасу, сосиски, зельц, ветчину, буженину, копченую рыбу, сыры, растворимый кофе или консервированные кофе и какао со сгущенным молоком – вы сразу понимали, что покупать такую еду ежедневно слишком дорого. Покупка такой еды добавила бы к вашим каждодневным расходам еще 2–5 рублей. Если обычная семья тратила до 3 рублей в день на недорогую еду, приобретая пять или шесть основных продуктов, что составляло в месяц 90 рублей, то ежедневная покупка дорогой еды обошлась бы еще в 60 рублей в месяц. То есть обычной семье пришлось бы потратить на еду уже 150 рублей в месяц. В нашем городе это было невозможно, потому что совокупный доход средней семьи составлял 200 рублей или немногим больше. Мы с мамой питались дешевой едой. Она забирала у нас в среднем два с половиной рубля в день. Кроме макарон, картофеля, сливочного масла, рыбных консервов, хлеба и молока мы обязательно покупали пряники к чаю, недорогие конфеты, баранки, десертные сухари. Без чаепития со сладостями наша жизнь была бы вовсе унылой. Наверное, все жители нашего города утром и вечером обязательно пили чай со сладостями.

Но как мы с мамой могли купить что-нибудь еще, кроме еды? Например, одежду и обувь, особенно на зиму? Это было для нас серьезное испытание. Ведь мы должны были покупать еще мыло, шампунь, зубную пасту, гуталин, а также платить за квартиру. Иногда мы ходили в кино. Деньги таяли, как им и положено, быстро и незаметно. Мы всегда нуждались. Мы были бедными, едва сводили концы с концами. Покупка пальто, обуви, зимней шапки, брюк, рубашки ставила нас в ужасное положение. В такие дни мы ели одни макароны и картофель. На ужин пили только чай с сухарями из черного хлеба и с вареньем. Так жить было очень тоскливо. В семьях моих приятелей было то же самое, а порой и хуже, ведь у некоторых из них было по двое младших братьев или сестер. Если брату и сестре купили пальто и ботинки, на еду денег уже не хватало. Неделями ели одну картошку и капусту, макароны и хлеб без масла. Это я запомнил хорошо на всю жизнь: обычная семья не могла позволить себе покупку еды и покупку одежды, обуви или других вещей одновременно и безболезненно. Либо одно, либо другое. Поэтому на одежду, обувь и другие необходимые предметы люди копили месяцами и не знали, как можно жить иначе.

Это я говорю об обычных людях, а такие, как наш родственник дядя Коля, жили лучше.

У дяди Коли были «возможности». Он у себя на промкомбинате предпринимал что-то такое, что приносило ему дополнительный доход. Вообще, жители нашего города, сколько я помню, никогда не упускали случая что-нибудь украсть, утащить и крали и тащили все, что можно. Причина – маленькие зарплаты.

Нашей соседкой по лестничной площадке была учительница средней школы, мамина приятельница. Ей платили только 95 рублей. Что она могла себе позволить, кроме еды? Медицинские сестры, работники библиотек, детских садов, музеев, тренеры детских и подростковых спортивных секций, преподаватели техникумов, наставники профессиональных училищ зарабатывали 100 рублей и меньше. Невысокая оплата труда была в службе быта – все служащие мастерских по ремонту, работники прачечных, парикмахеры, часовщики, стекольщики, обувщики зарабатывали не больше 100 рублей. В пошивочной мастерской платили от 80 до 90 рублей. Кондукторы, дворники, уборщицы, сторожи, почтальоны, продавцы киосков могли рассчитывать лишь на 80 – 85 рублей. Врачу-хирургу в районной поликлинике платили 110–120 рублей. В те времена говорили, что хороший заработок, больше 200 рублей, лишь у инженеров-специалистов, особенно с научной степенью, рабочих с высокой квалификацией и ответственных руководителей. А также у тех, кому доплачивали за риск и вредность, и еще у тех, кто работает сдельно, по договору.

Глядя на фотографии прошлых лет, я вижу, как много на улицах нашего города бедно одетых людей. Бедность – это отсутствие новых вещей. Это когда нет возможности одеваться элегантно, со вкусом, разнообразно. Новой обуви у простых людей в СССР я встречал мало. А новая и красивая обувь, я считаю, это первый признак зажиточности и достатка. Мужские модельные полуботинки стоили от 18 до 45 рублей, зимние кожаные ботинки – от 25 до 45 рублей. Женские сапоги – от 25 до 70 рублей. Женские туфли – от 12 до 22 рублей. Женские зимние ботинки или полусапожки – от 18 до 30 рублей. Все эти товары, конечно, были отечественного производства. Импортные же вещи стоили около 100 рублей и выше. Будучи уже зрелым человеком, я однажды узнал, что нормальная норма потребления обуви на человека – 3 пары в год, столько в среднем приходилось в 60-70-е годы на среднего жителя США, Англии и ФРГ, а у нас в Советском Союзе средняя норма потребления обуви составляла 2 пары в год, однако сколько бы я не вспоминал свое детство, юность и молодость в Советском Союзе, я не мог припомнить, чтобы мне удавалось менять обувь два раза в год. У меня была летняя обувь и зимняя. И ту, и другую я носил по три года, пока она не разваливалась. Так жили многие в нашем городе. Обувь сдавали в ремонт, ее подбивали, подшивали, подклеивали и носили снова. Я носил одни и те же брюки, один и тот же пиджак. Обувь и одежду, когда я был маленьким мальчиком и подростком, мама покупала мне на вырост, то есть на один размер больше. Когда я «вырастал» из одежды, она была сильно поношенная, в заплатках, потому что я носил каждый день только ее и ничего другого. Мои приятели также носили одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.